

В. ПИНО

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ  
В ЭСТОНСКОМ СЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ  
ПО ДАННЫМ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т  
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ  
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК



В. ПИНО

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ  
В ЭСТОНСКОМ СЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ  
ПО ДАННЫМ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

АВТОРЕФЕРАТ  
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ  
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК



В устном творчестве любого народа одним из самых существенных по содержанию разделов является поэзия, изображающая социальные противоречия и возникающую на их почве борьбу между отдельными общественными классами или прослойками. В народной поэзии этого рода — в поэзии социального протеста — трудящиеся массы народа яснее, чем в других разделах традиционного устного творчества, выразили свое отношение к различным социальным силам и к характеру общественного строя в какой-либо определенный период времени. Народная поэзия, отображающая социальные противоречия, является художественным выражением общественных идей и политических взглядов, интересов, чаяний и ожиданий трудящихся и эксплуатируемых масс. Вследствие этого народное творчество, отображающее социальные противоречия, представляет собой ценнейший материал для изучения исторического прошлого народа, а также общественно-политических воззрений и идеалов трудящегося человека.

В богатом и разнообразном по содержанию фольклоре эстонского народа поэзия, отображающая социальные противоречия, также занимает весьма важное место. В зависимости от специфики местных условий общественного развития, поэзия социального протеста у эстонцев особенно обширна и содержит ряд наслоений, которые образовались в различные времена и говорят о противоречиях различных общественных классов и прослоек, как поэзия борьбы, отражающая антагонизм всего крестьянства и помещиков, как отображение социального противоречия между сельским хозяином и работником, между промышленным рабочим и фабрикантом.

Из обширного материала поэзии социального протеста эстонского народа в настоящей диссертации рассматри-

валяется один из видов народной песни старой формы<sup>1</sup>, отражающей общественные противоречия между хозяевами и работниками, т. н. батрацкая песня (*sulaselaul*), говорящая о положении сельского работника главным образом в последний период феодализма, во второй половине XVIII и в первой половине XIX века.

В работе дается обзор старого песенного репертуара, отражающего взаимоотношения сельского хозяина и работника, и детально рассматривается одна батрацкая песня.

Методологической основой работы служат главные положения марксистской философии и эстетики, согласно которым устное художественное творчество народа, как одна из конк-

<sup>1</sup> В традиционном песенном творчестве эстонского народа имеется две группы песен, различающихся по форме. Песни одной группы опираются в основном на правила книжной поэзии: в них применяется рифма, стихи группируются в строфы, используются различные стихотворные размеры и современный язык. В основе поэтики песен другой группы лежит широко применяемая аллитерация (по крайней мере два слова в стихе начинаются с одних и тех же звуков), стихи объединяются не в строфы, а в группы параллелизмов (какая-либо мысль выражается не в отдельном стихе, а в более или менее обширной группе параллельных в смысловом отношении стихов); независимо от содержания и темы отдельных песен в них используется всегда один и тот же стихотворный размер, а именно четырехстопный хорей или дактило-хорей. Такой стихотворный размер является одним из древнейших компонентов поэтики эстонской народной песни. В эпоху его образования эстонский язык как фонетически, так и морфологически значительно отличался от современного языка, формы слов были длиннее (напр. *lindu* > *lind*, *laulemaie* > *laulma*, *rahva'asta* *rahvast*). Хорейческий стих сохранил в песне эту исторически более древнюю форму языка, т. н. язык народной песни. Отличие архаического языка народной песни от современного эстонского языка можно иллюстрировать хотя бы следующим отрывком из песни «Хлебный мешок барщинника»:

Odra kook oli kotissa (в соврем. яз. *kotis*)  
kaera mämm oli märsissa (*märsis*)  
kaks oli silku karbissana (*karbis*)  
kaks oli räime rätikussa (*rätikus*)  
tera oli soola nartsu seessa (*sees*)  
pisut oli piima lähkerissa (*lähkris*)  
seegi vaese varsa piima (*piim*).

Народные песни с аллитерациями, параллелизмами, хорейским размером и старыми языковыми формами по своему происхождению являются более старыми. В научной терминологии такие песни называются старыми народными песнями или рунами (*regivärss*). Народные песни, в которых применяется рифма и другие приемы книжной поэзии, более позднего происхождения. Они называются новыми или рифмованными народными песнями.

ретных форм общественного сознания, с одной стороны, есть отражение общественного бытия своего времени, с другой же стороны, благодаря своей относительной самостоятельности, оно играет роль активного фактора в повседневной жизни трудящегося человека, мобилизуя его на борьбу с эксплуататорами за построение лучшей жизни.

Руководствуясь этими положениями, диссертант ставит своей задачей:

а) выявить связь старых батрацких песен с общественным и историческим бытом своего времени (песня — отражение быта);

б) приблизительно установить время зарождения изучаемых песен (возникновение отражения предполагает существование отражаемого, песня в общей форме зарождается как отображение бытовых отношений, ставших фактом действительности, т. е. следует за возникновением этих отношений);

в) раскрыть значение батрацких песен как средства общественной борьбы трудящегося человека (песня не является лишь пассивным, регистрирующим отражением бытовых отношений, но она — активное, боевое отображение, нередко стремящееся к изменению этих отношений);

г) выяснить художественно-поэтические черты этой группы песен (песня есть художественное отражение исторического и общественного быта);

д) выработать первоначальные установки для использования марксистской методологии при составлении монографий о песнях.

Работа состоит из предисловия, введения, двух основных разделов и заключения. Основные разделы в свою очередь распадаются на подразделы: первый — на два, второй — на восемь.

Работа основывается на обширном оригинальном песенном материале, на исторических и бытовых данных. Основная часть использованного материала представляет собой рукописный архивный материал, хранящийся в отделе народного творчества Литературного музея имени Ф. Р. Крейцвальда АН ЭССР.

\* \*  
\*

В предисловии к работе определяется предмет исследования, цели, задачи и основные проблемы работы, выяс-

няется научное и общественно-политическое значение данной темы, указывается на исходные методологические установки исследования.

Во введении к работе предварительно характеризуется вкратце группа песен, подлежащих рассмотрению, и в связи с проводимым в работе монографическим анализом одной батрацкой песни дается краткий критический обзор монографического исследования песен, ранее проводившегося в духе теоретических концепций историко-географической школы, причем на основе конкретных примеров автор работы показывает, что монографии, придерживающиеся концепций историко-географической школы, в настоящее время могут учитываться лишь как собрания песенных материалов, но по существу не дают ничего ценного марксистской фольклористике.

## I

В первом разделе работы «Отображающая социальные противоречия народная песня как отражение общественных отношений» освещаются социальные условия возникновения исследуемой группы песен (первый подраздел: «Формирование общественных условий как предпосылки для зарождения батрацкой поэзии») и анализируется весь репертуар старых эстонских батрацких песен как по содержанию, так и со стороны формы (второй подраздел: «Батрацкая песня как отражение противоречий между хозяином и работником»).

Старой батрацкой песне эстонского народа свойственны все существенные черты, которыми в основном характеризуется поэзия социального протеста. Создатели этих песен — представители батрачества наглядно вскрыли в них путем типизации образов и ситуаций важнейшие моменты антагонизма хозяев и работников и, вместе с тем, ярко выразили критическое отношение батрачества к эксплуататорам — представителям хозяев. В рассматриваемой группе песен убедительно показывается разложение патриархального быта эстонской деревни в последний период феодализма, показываются различия в имущественном и социальном положении хозяев и работников.

Предпосылкой и общественным условием для зарождения группы песен, говорящих об уже достаточно острых противоречиях в крестьянской среде, явилось расслоение крестьянства

и возникновение социального антагонизма и эксплуататорских отношений между хозяевами и сельскими работниками.

Согласно историческим данным, эксплуататорские отношения между отдельными представителями класса крепостного крестьянства — хозяевами и работниками — наряду с основным противоречием феодального строя (антагонизм между крестьянским классом в целом и классом помещиков чужой национальности) — стали возникать во второй половине XVIII в. Начиная с этого времени, в связи с интенсивным развитием товарно-денежных отношений, сельские хозяева получили возможность накапливать некоторые излишки для сбыта на рынке. Поскольку крестьянские дворы были обременены непосильными феодальными повинностями, то дворохозяева отоваривали свои продукты непосредственно за счет своего личного потребления. При таких условиях установление связи крестьянского хозяйства с рынком значительно ухудшало положение именно батраков и батрачек, так как в целях накопления излишков для сбыта хозяева стали соблюдать строгую экономию за счет заработной платы и питания своих работников. В связи с этим, со второй половины XVIII в., обнаруживается общая тенденция двойной эксплуатации сельских работников: с одной стороны, помещик угнетал батраков путем эксплуатации крестьянских дворов (дворохозяин должен был нанимать батрака и посылать его на мызу для барщинных работ); с другой же стороны, и сам дворохозяин уже получал возможность извлекать личную выгоду из труда своих работников.

Конкретными проявлениями эксплуатации работников были плохая и скудная пища, низкая заработная плата и крайне тяжелый труд. Эти проявления эксплуатации вели к таким типичным конфликтам в отношениях между хозяевами и работниками, как конфликты по вопросам питания, заработной платы и принуждения к сверхурочной работе.

Возникновение таких противоречий между хозяевами и работниками создало общественные условия и для зарождения народных песен, отражающих социальный антагонизм хозяина и работника. Ко второй половине XVIII в., повидимому, и относится появление большинства типов эстонских батрацких песен старой формы. Поскольку известные противоречия между хозяевами и работниками существовали и ранее, по существу на протяжении всего феодального периода, то отдельные батрацкие песни или их зачатки, повидимому, бытовали и до второй половины XVIII в. Однако особую актуаль-

ность эти песни приобрели как раз со второй половины XVIII в.

Наряду с песнями, в которых непосредственно говорилось о социальных противоречиях между хозяевами и работниками, большой популярностью среди батрачества пользовались также некоторые песни, связанные с барщиной, и сиротские песни.

Периодом интенсивного распространения и дальнейшего развития старой батрацкой песни явились первые десятилетия XIX в., которые характеризуются непрерывным углублением и обострением социальных противоречий между хозяевами и работниками. Однако в XIX в. старая народная песня с аллитерационным стихом уже начинает уступать свое место новой, рифмованной поэзии. Старинный песенный репертуар, правда, сохраняется в памяти людей или в связи с некоторыми народными обычаями, но создание новых песен с аллитерационным стихом прекращается. К третьей четверти XIX в. старые народные песни в северной части эстонской языковой территории вообще выходят из обихода. Батрацкие песни старой формы с аллитерационным стихом в это время также уже не возникают. В новых песнях, отображающих классовую борьбу сельской буржуазии и сельского пролетариата, начинают применяться рифмованные стихи.

В тематике песен нашли свое художественное отражение все типичные конфликты в отношениях хозяина и работника, а также типичные для батрачества думы, чаяния и надежды. В песнях поется о всех типичных способах эксплуатации, применявшихся хозяевами в отношении работников, о типичных способах борьбы, которыми работники реагировали на гнет хозяев, о сословных перегородках между хозяевами и батрачеством, а также о надеждах работников на освобождение.

Одним из наиболее острых конфликтов между хозяевами и работниками был конфликт по вопросу о питании. Острота этого вопроса обуславливалась прежде всего тем, что питание крестьянина, страдавшего от тяжелого феодального гнета, было вообще крайне плохое. Как по данным литературных источников (в особенности произведений И. Х. Петри и А. В. Хупеля, описывающих положение вещей в конце XVIII в.), так и согласно устной народной традиции главной пищей эстонского крестьянина были грубый черный хлеб из мякины, соленая салака и сваренная на воде похлебка из овощей, тогда как напитками служили квас и молоко, обычно разбавляемое водой. Даже чисто ржаной хлеб являлся у крестьян редкостью и подавался на стол лишь в большие праздники.

Наряду с этим, продовольственное положение сельских работников ухудшалось еще в связи с тем обстоятельством, что с развитием товарно-денежных отношений хозяева стали ограничивать потребление за счет питания именно своих работников. Особенно тяжелым было в этом отношении положение батраков и батрачек, работавших вне крестьянского двора (на помещичьем поле, в обозах и т. д.), так как даваемые им с собой харчи непрерывно уменьшались. Так, напр., И. Х. Петри приводит данные о том, что батракам, уходившим на недельную барщину, с трудом хватало хлеба на четыре дня.

В зависимости от остроты вопроса о питании весьма многочислен соответствующий песенный репертуар. Имеется немало песен о скудной пище батрака-барщинника («Батрак просит себе хлебный мешок», «Хлебный мешок барщинника»), о низком качестве пищи батрака («Плохая еда батрака»), о еде хозяев и работников за разными столами («Западня батрака») и др.

В широко известной песне «Хлебный мешок барщинника» обычно говорится о том, что пища барщинника — черствый хлеб из мякины или горькая ячменная, а то и овсяная лепешка, в придачу к хлебу немного (часто полугнилой) салаки, разбавленное водой молоко или квас да «крупца соли в тряпке» (крестьянам было трудно достать даже соли в достаточном количестве, и поэтому её потребление барщинниками было крайне ограничено). В песне «Плохая еда батрака» описывается предлагаемая батраку недоброкачественная (нередко вызывающая отвращение) пища и его возмущение этим; в песне «Западня батрака» идет речь о том, что хозяева и батрак едят за разными столами: хозяйка и её дочь лакомятся тайком в отсутствие батрака. В этих двух песнях выражается активный протест работника против невыносимых условий питания. Во многих вариантах песни «Плохая еда батрака» поется о том, как батрак отказывается есть недоброкачественную пищу и в гневе швыряет её о стену; а в песне «Западня батрака» рассказывается, как сметливый батрак разоблачает лакомившихся за его спиной хозяйку и хозяйскую дочь, ставит их в неловкое положение и добивается таким образом обещания хозяйки кормить его в будущем такой «тонкой» едой, как мясо, молоко, чистый ржаной хлеб и т. п.

Тяжелые условия питания были одной из причин того, что батрак чувствовал отвращение к работе и нередко из мести

старался нанести ущерб хозяину. И в песне он ставит хозяев перед альтернативой — либо вы будете меня кормить хорошо, и я буду работать исправно, либо вы будете изводить меня едой, а я вас — своей работой («Батрак просит хорошей пищи», некоторые варианты песни «Батрак ждёт еды»). Вообще в песнях, изображающих продовольственное положение сельских работников, мы находим как угрозы по адресу хозяев, так и всяческие уговаривания батраков этими последними. Угрозы причинить ущерб хозяину в случае дурного питания значительно усиливают активный характер батрацких песен.

Наряду с вопросом о питании, между хозяевами и работниками наблюдалось весьма острое противоречие и по вопросу об оплате труда.

В эпоху феодализма заработная плата выдавалась работникам натурой (денежная оплата труда — сравнительно позднее явление). Батраки и батрачки получали заработок в виде определенного количества зерна, некоторых предметов одежды или в виде клочка земли для личного пользования. Обычно все эти формы уплаты натурой применялись в разных комбинациях. Нормы оплаты труда были крайне низки. Хозяин нередко старался обмануть своих работников даже при выдаче этого ничтожного заработка.

В песнях, отражающих противоречия по вопросу о зарботке, и говорится о том, что выдаваемая работникам заработная плата слишком мала, и что даже это ничтожное вознаграждение хозяином честно не выплачивается. Работник часто жалуется в песне, что ему платят недоброкачественными продуктами и предметами. Так, например, молодая батрачка поет о том, что за свою работу она получила старые лапти, старые онучи и старую рваную шубу (vanad viisud, vanad rätid, vana katkine kasukatükk).

Противоречия между хозяином и работником по вопросу о зарботке нашли, наряду с другими противоречиями, яркое отражение в лиро-эпической песне «Раб на небе».<sup>1</sup> Здесь для выражения своих мечтаний, надежд и недовольства эксплуатируемый использовал учение христианской церкви о том, что за испытанные в земной жизни лишения на небе следует вознаграждение, а за причиненные на земле несправедливости — наказание. В песне описывается, как раб попадает (его ведут или он сам идет) на небо, где с ним хорошо обращаются:

<sup>1</sup> В эстонских народных песнях *рабом* (ori) называется каждый, работающий на другого.

дают ему отдохнуть от работы и угощают вкусными кушаньями. После раба приходят на небо хозяин и хозяйка, чтобы уплатить ему недоплаченный на земле заработок. Раб, который уже вознагражден на небе, отказывается от предлагаемой ему платы. Хозяина и хозяйку ждут страшные мучения. Для этой песни в целом характерно полное яркой фантазии выражение дум и желаний угнетенного человека.

В песнях, отражающих положение батрачества в отношении заработка, говорится главным образом об оплате труда зерном и одеждой, лишь в немногих песнях упоминается о предоставлении в пользование земельного участка («Батрак просит земли»), а также о денежной плате («Зарботок барщинника»).

Наряду с экономией, которая достигалась путем уменьшения норм питания и заработка батраков, а также путем снижения качества выдаваемых им продуктов, весьма характерным способом эксплуатации работников было их чрезмерное обременение работой. На плечах работников лежала барщинная повинность, требуемая с крестьянских дворов. Когда хозяева получили возможность извлекать также личную выгоду из труда батраков, они стали принуждать их в свободные от барщины дни ко все более напряженной работе и у себя на хуторах (сельский работник подвергался, таким образом, двойной эксплуатации).

В песнях, отражающих принуждение к чрезмерной работе, и говорится как о барщинной повинности работников, так и об их обременении сверхурочной работой на крестьянских дворах.

Так, например, о барщинной повинности выразительно рассказывается в песне «Хозяин хвалит барщину». Здесь поется о том, что тяжелую барщинную работу должны выполнять батраки и батрачки, которым при этом постоянно угрожает телесное наказание. Сами хозяева не ходят на барщину, не знают её трудностей и не верят им, считая жизнь барщинников даже легкой. В песне даётся хозяевам иронический совет самим испытать «легкую» жизнь барщинников.

Чрезмерное обременение батраков работой на крестьянских дворах проявлялось особенно в стремлении хозяев всячески удлинить их рабочее время. В песнях также говорится о том, что рабочий день батраков чрезвычайно долог, а время сна очень коротко («Советы рабыни», «Раб ждет вечера»), что батраки должны работать в любую погоду («На работе в непогоду», «Раб всегда должен работать» и др.), а иногда

даже по воскресеньям. Наряду с этим, в отдельных песнях рассказывается, что, помимо непосредственного удлинения рабочего времени, делались попытки повышать интенсивность труда наемных работников путем усиления надзора за ними. Обычным является в этих песнях противопоставление хозяев и работников — здесь часто поется о том, что батрачка (или сирота) работает в то время, когда хозяева отдыхают или просто бездельничают.

Среди песен, отражающих принуждение к чрезмерной работе, имеется немало таких, в которых личность эксплуатируемого ближайшим образом не дифференцирована. Здесь зачастую говорится абстрактно о тяжести работы на чужих людей вообще. Некоторые из этих песен весьма старого происхождения и возникли как отражение борьбы против помещиков, но, будучи пригодны и для выражения настроений сельского работника, получили широкое распространение среди батрачества.

В противовес показу конкретных способов эксплуатации в песнях изображается и борьба работников против хозяев.

Обычной формой сопротивления, которой работники реагировали на эксплуатацию, было нанесение материального ущерба дворохозяину (а также помещику) путем умышленно небрежного выполнения работ и переход работника от одного хозяина к другому в надежде найти лучшие условия труда. О первом способе борьбы говорится в широко распространенной песне «Хитрый батрак пашет», о втором — в песне «Батрак уходит».

В песне «Хитрый батрак пашет» образно описывается небрежная работа (плохая пахота) батрака и показывается, что это является прямой мстью за дурное обращение хозяев с работником. С тонким юмором в песне говорится, что, несмотря на злбу и скупость хозяев в отношении к батраку, он добр ко всем и не желает никому зла: он чересчур не попускает вола и даже щадит сорняки, не повреждая мелкой пахотой их корней, так как и сорняки, мол, хотят жить и размножаться.

Тяжелая жизнь батрачества в условиях двойной эксплуатации не только вызывает фактическое сопротивление угнетаемых и их ненависть к угнетателям, но и заставляет их задумываться над вопросом о том, почему в мире существует разница между господами и рабами, хозяевами и работниками («Воспитан рабом», «Кто чей раб»).

В батрацких песнях нашло свое художественное отражение и опорочивание батрачества представителями хозяйского сословия. В песнях говорится, что сына батрака (из-за его бедности) считают лентяем и обманщиком, тогда как хозяйского сына (ввиду его зажиточности) всячески превозносят. В то же время в рассматриваемой группе песен имеется немало таких, в которых изображается различное отношение самих батраков к представителям своего и хозяйского сословий. В песнях обычно противопоставляются друг другу члены хозяйской семьи и представители батрачества (хозяин, хозяйский сын — батрак; хозяйская дочь — батрачка, сирота; хозяйка — бобылка, жена батрака). Эти песни особенно ясно показывают, что симпатии их создателей безраздельно принадлежат представителям батрачества.

О надеждах сельского работника (и помещичьего раба) на освобождение говорится в песне «Выкуп из неволи». Здесь молодая батрачка выражает свою надежду освободиться в будущем путем вступления в брак (приходит жених и выкупает девушку из рабства). В этой песне отражается также дружба эстонского и русского народов: в некоторых её вариантах девушка мечтает о том, как придет русский и выкупит её из тяжелой неволи.

Проследивая различные тексты отдельных батрацких песен, мы нередко встречаем в них весьма значительные вариации. Однако по своей тематике и идейному содержанию эта группа песен представляется единой. Из сложной совокупности жизненных явлений в песнях выделено все то, что типично для отношений хозяина и работника, причем эксплуатация и борьба с ней показываются в конкретных, известных крестьянину по опыту формах. В песнях даны типические художественные образы обеих противостоящих друг другу сторон. В их создании обнаруживается закономерность, отличающая эстонскую лирическую народную песню от художественной литературы: образы народной песни наделены типическими чертами, характеризующими определенную социальную силу (общественный класс, группировку), но они не индивидуализированы. На это указывает хотя и тот факт, что народная песня не даёт своим образам имён (образы художественной литературы обычно наделены вымышленными именами), а отмечает лишь их социальную принадлежность, говоря просто о хозяине, батраке, помещике и т. д. Образы народной песни резко определены: они целиком либо положительные, либо отрицательные. В рассматри-

ваемой группе песен представители батрачества являются положительными образами, а представители хозяев отрицательными. Представители хозяйского сословия характеризуются как скупые, бесчестные, ленивые и высокомерные люди, тогда как противопоставляемые им представители батрачества являются воплощениями трудолюбия, причем гнёт двойной эксплуатации и чрезвычайно тяжелые условия труда вызывают у них активный протест против существующего положения вещей. Типические черты представителей обеих противостоящих друг другу сторон не даются в песнях в виде описательных характеристик, а раскрываются непосредственно в действии.

В отношении формы батрацкие песни следуют поэтике старой народной песни, заключая в себе её основные компоненты: хореический размер, параллелизмы и аллитерации. В рамках этих общих норм рассматриваемая группа песен выработала целый ряд изобразительных средств, свойственных батрацкой поэзии. Для последних, как и вообще для всей системы поэтических приемов старой народной песни, характерны образность, конкретность и принадлежность к лексике той крестьянской среды, в которой эти песни возникли. Изобразительные приёмы всецело служат для передачи содержания, содействуя выражению той субъективной оценки, которая даётся певцом изображаемым в песне действующим лицам и ситуациям (сочувствие и симпатия к представителям батрачества, порицание и осуждение хозяев). По своему словесному оформлению песни, отражающие активный протест и требования батраков, также отличаются резкостью, иногда заключая в себе элементы грубого комизма и непечатную лексику. Вообще художественная форма и язык рассматриваемой группы песен вполне гармонируют с их содержанием.

Хранящиеся в фольклорных собраниях материалы по старым батрацким песням свидетельствуют о большой в свое время популярности этих песен. Главное, что было причиной широкого распространения этих песен и что обуславливает их большое историко-познавательное значение для современного человека (не только специалиста-фольклориста, но и историка, этнографа и вообще всякого, кто интересуется народным прошлым), — это тот факт, что данная группа песен путем яркой типизации правильно раскрывает отношения хозяина и работника.

К более близкому ознакомлению с обширной проблематикой данной группы песен ведёт нас монографическое исследование

дование отдельных песен, и следующая часть этой работы представляет собой одну из первых попыток в этом направлении.

## II

Второй раздел работы посвящен подробному анализу песни «Батрак (батрачка) уходит». Для возможно более всестороннего освещения песни, в отдельных подразделах характеризуется качество записей, вскрывается идейное содержание данной песни, выясняются общественные условия и приблизительное время ее возникновения, анализируются стиховой состав и композиционная структура песни, вертикальные и горизонтальные наслоения в её содержании и словесном оформлении, контаминации с другими песнями, географическое распространение песни, её язык, поэтика и музыкальное оформление. Музыкальный анализ песни является авторизованной сводкой специального исследования аспиранта кафедры эстонской литературы и фольклора Тартуского Государственного университета, фольклориста-музыковеда У. Кольк.

В основу монографии о песне «Батрак (батрачка) уходит» положено 97 рукописных текстов, которые были записаны в период времени с 1822 по 1931 год. Наиболее существенным недостатком всех записей является то обстоятельство, что собиратели не снабдили текстов данными бытового характера.

Центральным ядром содержания песни служит короткий (6—14 стихов) эпизод, в котором батрак или батрачка, обращаясь к своим хозяевам, предлагает им поискать нового работника, поскольку срок его (ее) службы пришел к концу. К этому основному ядру сюжета присоединяются в вариантах другие моменты (мотивация ухода, выражение надежд на лучшее будущее, иронические замечания по адресу бывших хозяев). Нередко песня встречается в контаминации с другими песнями.

В содержании песни нашли отражение некоторые возможности передвижения, открывшиеся перед крестьянством. Это обстоятельство позволяет думать, что данная песня сравнительно позднего происхождения и возникла, по всей вероятности, в конце XVIII или в начале XIX столетия. Первоначальной основой зарождения песни явилось повидимому стремление безземельных крепостных крестьян добиться права перехода на другое место работы (о таких стремлениях батрачества на рубеже XVIII и XIX веков ясно говорят запретитель-

ные параграфы регулятивов 1804 г., направленные против ухода сельских работников).

Особую актуальность песня приобрела очевидно в тот период, когда возможности передвижения крестьян расширились в связи с отменой крепостного права крестьянскими законами 1816—1819 г. г. За сравнительно позднее происхождение песни говорят и другие моменты, принимаемые в соображение при датировании песен (относительная узость области распространения, сравнительно современный язык, активный характер выражаемых чувств, индивидуальная мелодия и достаточная стабильность песни в отношении содержания и словесного оформления).

Как по содержанию, так и по форме песня в достаточной мере единообразна. Наслоений, указывающих на разные периоды, в ней немного. Однако при общем единообразии песни её словесное оформление сильно варьирует в деталях. Весьма большое количество вариаций является закономерным свойством распространяющейся из уст в уста, гибкой по форме старой народной песни.

Во многих своих вариантах рассматриваемая батрацкая песня контаминировалась со свадебной песней «Молюдка уходит из отчего дома». В этих контаминациях свадебная песня стала вполне органической частью батрацкой песни, приобретая новый смысл и сделавшись выражением идей песни об уходе батрачки. Такое органическое слияние этих песен и даже изменение функциональной стороны одной из них (превращение свадебной песни в батрацкую) вызвано аналогией изображаемых в песнях ситуаций — в обеих песнях говорится об уходе рабочего человека.

Нередко рассматриваемая песня об уходе батрачки контаминируется с другими песнями о батрачестве и крепостной неволе. Среди этих контаминированных песен имеется группа таких, где все отдельные песни (или все восходящие к отдельным песням элементы содержания) тесно слиты в одно целое, причем каждая отдельная песня или её отрезок выполняют в содержании контаминированных песен определенную функцию. В таких слившихся друг с другом песнях даётся более детальное изображение отношений хозяина и батрака, причем здесь не только говорится об отказе от работы, но и указываются конкретные причины этого отказа (контаминации с песнями, отражающими конфликты по вопросам питания и заработка). Наряду с контаминированными песня-

ми, слитыми по содержанию в одно целое, имеются, однако, и такие, отдельные компоненты которых сравнительно слабо связаны между собой, вследствие чего создаётся впечатление, что здесь отдельные песни просто следуют друг за другом. Наличие «контаминированных» песен этого рода указывает на сосредоточение близких по тематике песен.

На основании имеющихся вариантов можно сделать вывод, что местом возникновения и первоначального распространения данной песни были северная, северо-восточная и центральная области эстонской языковой территории: бывший уезд Ярвама, северные и западные приходы Вирума и восточные приходы Харьюма. По всей вероятности (это подтверждается в особенности мелодией), песня зародилась где-нибудь на границе Вирума и Ярвама. Отсюда песня распространилась в северные приходы морского побережья и в южном направлении до северных частей Вильяндима и Тартума. Своеобразны варианты песни об уходе батрачки, записанные в Тартума. Здесь исходным пунктом данной песни нередко является не эпизод ухода с работы, как в других местах, а вышеназванная свадебная песня «Молодка уходит из отчего дома», которая путём ряда добавлений и изменений текста постепенно переходит в песню об уходе батрачки с работы.

Язык песни относится к северно-эстонскому диалекту и содержит сравнительно мало архаизмов.

В художественном отношении песня следует образцам старой народной поэзии (хореический размер, параллелизмы и аллитерации). Варианты, в которых широко использованы параллелизмы, отличаются большой образностью и конкретностью изображения. Наряду с этим, имеются варианты с более сдержанным поэтическим оформлением, в которых мы имеем дело с непритязательной ритмизованной прозой.

Песня носит активный характер, она проникнута духом борьбы и оптимизма. С особенной силой протест батрака выражен в вариантах песни, записанных в Кадрина, Амбла и Вайке-Маарья: здесь уходящий заявляет с большой решимостью, что он не согласен работать без харчей и одежды (*ma'p saa söömata elada, riide'eta teha tööda*). Певец выражает надежду найти в новом месте работы лучшие условия жизни.

Мелодия песни вполне гармонирует с её содержанием. Для неё характерен скандирующий музыкальный стиль с отчётливым выделением хореических ударений, т. и. «муж-

ской стиль», которому свойственны молодая удаль и уверенный оптимизм. По своему общему характеру мелодия песни относится к наиболее позднему периоду в развитии мелодий старой народной песни. Это уже вполне установившаяся индивидуальная мелодия, гармонично сливающаяся с определенным текстом. Обычно же для старых народных песен является характерным, что один и тот же музыкальный мотив может быть применён к словам многих песен, и, наоборот, одни и те же слова можно петь на различные мотивы. Правда, варьируя ещё довольно свободно, мотив рассматриваемой батрацкой песни представляет собой лишь один из довольно ранних образцов индивидуальной мелодии. Поскольку индивидуальные мелодии в эстонской народной музыке, повидимому, выработались не ранее конца XVIII в. — начала XIX в., то и результаты анализа музыкального оформления данной песни являются весьма убедительным аргументом в пользу позднего происхождения этой песни.

Наличие довольно большого числа текстов данной песни свидетельствует о её широкой популярности среди батрачества. Перемена места работы, повидимому, являлась в жизни сельских работников важным событием, вносившим в их тяжёлую, монотонную жизнь некоторое разнообразие и вселившим в них надежды на улучшение своего положения.

\*            \*  
\*  
\*  
\*

Суммируя основные результаты работы, можно сказать, что рассмотренная группа батрацких песен весьма тесно связана со всем общественно-политическим бытом своего времени и освещает в особенности отношения хозяев и работников. Ввиду этой тесной связи между песнями и конкретными жизненными условиями необходимо при исследовании данной группы песен подвергать анализу и ту общественно-историческую обстановку, в которой эти песни возникли и бытовали. Использование исторических данных имеет особенно большое значение при разрешении вопросов (хотя бы приблизительной) датировки песен.

Будучи тесно связаны с общественными и историческими условиями своего времени, эти песни не являются, однако, лишь пассивным отражением этих условий — они говорят об активном отношении эксплуатируемых сельских работников

к действительности. В песнях находит свое художественное выражение их недовольство существующими социальными отношениями, в них поётся об их надеждах на лучшую жизнь, на освобождение от тяжелой батрацкой доли. Песня служила сельским работникам идеологическим оружием в их повседневной общественной борьбе.

---





Бесплатно

TÜ RAAMATUKOGU



1 0300 01005063 3